

РЕЛИГИОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ СІРІЙЦЕВЪ И АРАБОВЪ¹⁾.

Культурное и религиозное развитіе древней Греціи не можетъ быть выяснено и истолковано во всемъ своемъ объемѣ изъ особенностей арійскихъ племенъ и мѣстныхъ географическихъ условій. На культурѣ Эллады оставили свой сильный отпечатокъ культуры Египта, Финикіи, хеттеевъ и ассиро-вавилонянъ. Чтобы понять религію Греціи, нужно понять религіи этихъ народовъ. Но чтобы вполне понять религіи этихъ народовъ, нужно изучать не только ихъ—каждый особенно и всѣ во взаимоотношеніяхъ,—но должно изучать и ту историческую и этнографическую среду, въ которой протекало ихъ развитіе. Въ египетскомъ пантеонѣ отыскиваютъ боговъ Сомали, наприм., Беса, и черезъ Египетъ этотъ богъ оказывается переданнымъ Финикіи. Тѣмъ болѣе въ пантеоны и культы древнихъ культурныхъ народовъ должны были проникать вѣрованія и обычаи родственныхъ имъ, но менѣе ихъ культурныхъ сосѣдей. Вѣдь не только люди болѣе образованные вліяютъ на менѣе образованныхъ, но всегда происходитъ еще и обратное вліяніе. Въ рели-

¹⁾ *Литература.* Сирійскія вѣрованія стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ религіями хеттеевской и финикійской, поэтому пособіями для изученія сирійскихъ культовъ являются тѣ же изслѣдованія, которыя нужны для изученія хеттеевской и финикійской религіи. Для изученія языческой Аравіи кромѣ общихъ источниковъ и пособій по семитическимъ религіямъ въ настоящее время имѣется много и переводныхъ надписей и изслѣдованій. Crell-Uber die Religion der vorislamitischen Araber, Osieander-Studien über die vorislamische Religion der Araber, Wellgausen-Reste arabischen Heidenthums, Berger-L' Arabie avant Mahomet, d'après les inscriptions, Derenbourg-Etudes sur l'épigraphie du Yemen, Halevy-Inscriptions du Sufa; Хвольсонъ-Die Ssabier und Ssabismus.

гіозной области такое вліяніе снизу вверхъ, а не сверху внизъ сказывается еще сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ. Черты арамейскаго бога Барку или Бирку ассирійцы перенесли на своего бога Раммона, хотя ассирійцы въ культурномъ отношеніи стояли гораздо выше арамейцевъ, которымъ по нѣкоторому недоразумѣнію было усвоено въ искаженіи имя ассирійцевъ, ихъ назвали сирійцами и страну ихъ Сиріей. Хеттеяне не были семитами, однако ихъ религія, поскольку она выяснилась въ настоящее время, является чисто семитическою. Культурные народы передней Азіи жили около и среди семитическихъ племенъ, и между ними была тѣсная религіозная близость. Малокультурныя сирійскія и некультурныя арабскія племена были тою средою, чрезъ которую или на которой и сталкивались и вели мирныя сношенія Ассиро-вавилонія съ Египтомъ, Финикією, хеттеями. Вотъ, почему обзоръ вѣрованій сирійскихъ и арабскихъ племенъ является существенно важнымъ при изученіи религіи культурныхъ народовъ древняго востока.

Подъ Сиріей, носившей въ древности имя Арама, разумѣлась область ограниченная съ востока—Евфратомъ, съ юга-аравійскою пустынею, съ запада-Палестиною и Финикією, съ сѣвера-ливанскими горами, гдѣ находилась область хеттеевъ (теперь предѣлы Сиріи расширены). Границы эти не оставались неизмѣненными, въ счастливыя времена онѣ расширялись, въ несчастныя сирійцевъ тѣснили съ сѣвера хеттеи, съ запада евреи, съ востока ассиріяне. Въ Сиріи обитало много племенъ, которыя были независимы одно отъ другого и представляли—каждое—самостоятельное царство. Когда кончились цвѣтуція времена еврейскаго царства, и ослабѣли царства іудейское и израильское, тогда возвысилось царство Дамасское при преемникахъ дамасскаго царя Рецина. Но слава Дамасскаго царства не могла быть продолжительной. Сирія была проходною дорогою для войскъ великихъ монархій. Лишь только она стала расширяться по направленію къ западу и почувствовала себя свободнѣе на сѣверѣ вслѣдствіе ослабленія царства хеттеевъ, черезъ нее по направленію къ тому же западу двинулись полчища усилившейся Ассиріи. Затѣмъ поднялся Вавилонъ, затѣмъ явились персы, затѣмъ греки. За три столѣтія до Р. Х. область Арама превратилась собственно въ сирійское царство.

Арамъ былъ тѣсною родственною связью связанъ съ евреями, и отецъ еврейскаго народа Іаковъ называется въ Библии странствующимъ арамеяниномъ (Второзакон. XXVI, 5). Исторія Іакова и Лавана раскрываетъ намъ эту родственную близость, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на громадное ихъ религіозно-нравственное различіе, при семъ, какъ показываетъ Библія, вліяніе Арама на израильтянъ было далеко неблагоприятнымъ (Быт. XXXI, 34—35). Религіозныя возрѣнія въ Сиріи были по существу тѣми же, какія держались на востокѣ въ Ассиріи и Вавилоніи и на западѣ въ Финикіи. Признавалось и почиталось въ Сиріи общесемитическое божество Эль, Ілю и его женская форма Илатъ. Повидимому преимущественно это божество почиталось въ южной Сиріи, гдѣ это имя употреблялось предпочтительно для обозначенія высшаго Божества. Находятъ это имя во многихъ арамейскихъ именахъ и позднѣе у набатеевъ. За имѣющимъ неопредѣленныя и неясныя очертанія Ілю слѣдовали имѣвшія гораздо болѣе конкретныя формы Адона, Ваалы, Мелеки. Слово Адонъ встрѣчается очень часто въ именахъ хананейскихъ царей (Ис. Нав. X, 1 Суд. 1, 5—7). Почитался Вааль съ разными опредѣленіями, наприм., Вааль Ермонъ (Суд. II, 1, 3; 1 Паралип. V, 23). Библія часто называетъ Молоха, какъ главное божество аммонитянъ. Тѣ, которые разсматриваютъ Молоха, какъ имя класса, полагаютъ, что за названіемъ Молоха у аммонитянъ скрывалось божество Аммона или Аммана. Эта догадка не колеблется, если подъ Молохомъ разумѣть индивидуальное божество. Божествомъ аморреевъ, моавитянъ въ Библии обыкновенно называется Хамось, а божество аммонитянъ Молохомъ (Суд. XI, 24; Числ. XXI, 29; 3 Царств. XI, 7; 4 Цар. XXIII, 13). Указываютъ на то, что *Μολχοί* по переводу LXX равняется *ὁ βασιλεὺς αὐτῶν* (см. по еврейскому и греческ. тексту 2 Цар. XII, 30; 1 Паралип. XX, 2). Но дѣло въ томъ, что и на землѣ у сирійцевъ — у cadaго самостоятельнаго племени — былъ одинъ царь, который правилъ пожизненно, одного постоянного царя естественно имъ было мыслить для себя и на небѣ, поэтому подъ Молохомъ или Милхомомъ аммонитяне мыслили всегда одинъ опредѣленный образъ. Можетъ быть этотъ богъ носилъ еще имя Аммона или Аммана. Почитался среди сирійцевъ, какъ и у финикіянъ и у египтянъ, Решефъ.

почитался Шамасъ, хотя и другимъ нѣкоторымъ божествамъ усвоились черты солнечнаго бога. Особенное положеніе въ арамейскомъ пантеонѣ занимали Ададъ или Хадаръ и вмѣстѣ съ нимъ Риммонъ. Это наиболѣе почитавшіяся божества Дамаска. Имя Адада, по свидѣтельству Николая Дамасскаго, заключалось въ именахъ десяти дамасскихъ царей и имя Риммова (см. 3 Цар. XV, 18; о Риммонѣ см. еще 4 Цар. V, 18). Ададъ и Риммонъ сливались въ одинъ образъ и должно полагать, что съ именемъ Гададриммона у сирійцевъ былъ связанъ мифъ и праздникъ такой же, какой у финикійцевъ связывался съ именемъ Адониса. На это указываетъ пророкъ Захарія, когда сравниваетъ плачь имѣющій быть въ Іерусалимѣ съ плачемъ Гададриммона въ долину магеддонской (XII, 11). Почитался въ Сиріи и Дагонъ. Позднѣйшая исторія представляетъ намъ его божествомъ филистимскимъ (1 Цар. V.), но какъ имѣются свидѣтельства о томъ, что онъ почитался въ Финикіи, такъ существуютъ указанія и на то, что онъ былъ почитаемъ хананейскими племенами, можетъ быть даже въ эпоху, когда филистимляне еще не вторгнулись въ Палестину. Въ Палестинѣ были города, въ составъ которыхъ входило имя Дагона (Ис. Нав. XV, 41; XIX, 27). Въ тель-эль-амарнской перепискѣ упоминается Дагантакала: по всему вѣроятію Дагонъ почитавшійся въ Сиріи былъ по своимъ свойствамъ подобенъ Еа (Оаннесу) богу—рыбѣ Халден. Былъ въ Арамеѣ богъ молніи Барку или Бирку весьма похожій на халдейскаго бога бурь Раммана, хотя съ другой стороны между Рамманомъ и Риммономъ существовало не только звуковое сходство. Въ нихъ видятъ одно божество, произношеніе имени котораго и свойства измѣнились съ теченіемъ времени у различныхъ народовъ.

Рядомъ съ мужскими стояли женскія божества. Была Валтъ-Геваль. Была Милькатъ. Почиталась Астарта съ различными поднаименованіями. Была Астаретъ Наамахъ (Дамаскій называетъ божество *Ἀστρόρη*, Моверсъ полагаетъ, что справедливѣе читать *Ἀστρόμη*, имѣя въ виду семитическую основу). Была Аштеровъ Карнаимъ. Она изображалась повидимому въ видѣ египетской Гаторъ. Изображеніе ея хотятъ видѣть въ каменномъ памятникѣ, находящемся въ Харранѣ и называющемся у арабовъ камень Іова (она изобра-

жалась, съ рогами, имѣвшими видъ молодой луны). Богиня оргіастическаго культа нерѣдко именовалась Кадшу. Были божества Атаргатисъ, Деркетю. Деркетю въ женскомъ образѣ представляла собою то, что Дагонъ въ мужскомъ. Была богиня Гадъ-божество судьбы, фортуны (Ис. XXV, 11; это имя входило въ географическія названія Ис. Нав. XI, 17; XV, 37). Почиталась богиня Анатъ, иначе называвшаяся Анаити, Анити. Это имя также встрѣчается нерѣдко въ библейскихъ книгахъ (Ис, Нав. XV, 59; XIX, 38; XXI, 18; Суд. I, 33; 3 Цар. II, 26; Іерем. I, 1; XXIX, 27), встрѣчается оно (карт-Анिति) и на египетскихъ памятникахъ. Была богиня Азити. Есть выраженіе: Азити-іакхуру, что переводятъ предположительно: Азити воспламеняется отъ гнѣва. Ей повидимому приписывался воинственный и жестокой характеръ. За богами въ іерархическомъ порядкѣ, какъ и въ халдейской религіи, слѣдовалъ безчисленный циклъ духовъ. Трудно рѣшить — къ классу божествъ или духовъ должно быть отнесено Лилить-загадочный образъ о которомъ говоритъ пророкъ Исаія (XXXIV, 14 по еврейскому тексту לִלִיט — по русски переведено — ночное привидѣніе). Проявленіе высечеловѣческой силы божествъ и духовъ видѣли въ нижечеловѣческихъ существахъ и просто неодушевленныхъ предметахъ. Были священныя животныя, птицы, рыбы, растенія. У Плинія въ его естественной исторіи (XXXVII, 71) есть свидѣтельство, что въ Сиріи нѣкоторыя геммы почитались, какъ почки, глаза, пальцы бога Адада. Отсюда дѣлаютъ выводъ (Галеви), что въ Сиріи вообще почитали бога Адада подъ формою камней, которые поражали своимъ сходствомъ съ нѣкоторыми частями человѣческаго тѣла. Камни конической формы сначала были символами божественнаго образа, затѣмъ они стали подвергаться болѣе совершенной обдѣлкѣ и превратились въ идоловъ. Были у арамейцевъ терафимы — какія то небольшія изображенія боговъ (Быт. XXXI, 19 и слѣд. впоследствии видимъ у евреевъ были терафимы повидимому по размѣру подходившіе къ людямъ I Цар. XIX, 13) Сабейзмъ. т. е. почитаніе свѣтилъ было развито значительно въ Сиріи, хотя и менѣе, чѣмъ въ Халдеѣ. Полагаютъ, что въ Сиріи каждая область считала себя находящеюся подъ покровительствомъ того или другаго изъ задіакальныхъ созвѣздіи. Почиталось въ Сиріи божество Марна, считавшееся у фи-

лиstimлянъ покровительствующимъ Газѣ. Это было божество планеты Юпитера. Въ честь этого божества устраивались въ опредѣленное время игры и бѣга колесницъ. При Антиохѣ Елифанѣ получилъ распространеніе культъ Моавина, полагаютъ, римскаго Марса, но этотъ культъ, должно полагать, потому и встрѣтилъ себѣ сочувствіе, что планета Марсъ пользовалась большимъ почитаніемъ уже ранѣе. Красный цвѣтъ Марса имѣлъ особенное мистическое значеніе. Это былъ цвѣтъ пустыни, цвѣтъ Сета-Тіеона въ Египтѣ, цвѣтъ грѣха и зла.

Въ сирійскихъ областяхъ имѣлись жрецы всѣхъ тѣхъ типовъ, какіе были въ Финикіи и у халдеевъ. Верховные жрецы, жрецы совершители обрядовъ, специализировавшіеся на тѣхъ или иныхъ подробностяхъ религіознаго ритуала, галлы, галлы—евнухи, пѣвцы, музыканты, жрицы различныхъ профессій, въ числѣ которыхъ были и религіозныя танцовщицы и кедешы, были и пророки и пророчицы (Аодъ выдалъ себя за моавитскаго пророка Суд. III, 16—22), и волшебники и волшебницы (I Цар. XXVIII, 7). Храмы Сиріи, должно быть, были многочисленны. Храмъ Мабога (Гіераполиса), описанный Лукіаномъ, позволительно думать, былъ хеттейскимъ. Можетъ быть наиболѣе замѣчательнымъ изъ сирійскихъ храмовъ былъ дамасскій въ честь Риммона (4 Цар. V, 18). Вѣроятно при этомъ храмѣ былъ жертвенникъ, который такъ плѣнилъ своею красотою іудейскаго царя Ахаза и по образцу котораго онъ поставилъ жертвенникъ въ Іерусалимѣ (4 Цар. XVI, 10—14). Можетъ быть въ областяхъ Сиріи храмы служили иногда и крѣпостями (см. исторію Авимелеха. Суд. IX, особенно 46 и слѣд. Размѣры храма Дагона въ Газѣ тоже подтверждаютъ это. Суд. XVI, 23 и слѣд. особенно 27 и 30). Кромѣ храмовъ въ Сиріи былъ обычай воздвигать въ религіозныхъ цѣляхъ памятники. Ставились памятники въ видѣ простыхъ столбовъ или съ капителями (стелы) въ память событій, счастливыхъ исходовъ которыхъ приписывался божественной помощи. Ставились надгробные памятники, они назывались нефешъ. Такъ называли ихъ и евреи (Быт. XXXV, 10 по еврейск. тексту), Нефешъ значитъ жизнь, дыханіе, душа. Понятно, что наименованіе надгробнаго памятника душою обуславливается цѣлою системою вѣрованій въ загробное существованіи души. Жертвы сирійцы приносили тѣже,

какія вообще приносили сѣверныя семиты. Кровавыя жертвы были распространены. Иногда, полагаютъ, приносили богамъ въ жертву всѣхъ дѣтей, на которыхъ указывали боги. Въ 4 Царств. III читаемъ о Месѣ, царѣ моавитскомъ, что онъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда израильтяне одолѣвали его, взявъ „сына своего первенца, которому слѣдовало царствовать вмѣсто него и вознесъ его во всеожженіе на стѣнѣ“ (27). Въ 1869 г. открытъ памятникъ („камень спасенія“), который Меса воздвигнулъ Хамосу за свое избавленіе изъ рукъ израильтянъ. Обращаютъ вниманіе на то, что Меса въ своемъ памятникѣ не говоритъ о принесеніи имъ въ жертву сына. Объясняютъ это различнымъ образомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что найденъ камень не весь, что нижней половины у него не хватаетъ (двѣ послѣднія строчки и на найденномъ камнѣ неразобраны) другіе склонны заподозрить точность библейскаго извѣствованія ¹⁾. Трудно объяснить

¹⁾ Примѣчаніе. Вотъ переводъ надписи Месы. Я Меса, сынъ Хамоса Гада, царь Моава, дибонитянинъ (см. у Исаи XV 9). Мой отецъ управлялъ Моавомъ въ теченіе тридцати лѣтъ, и я правилъ послѣ моего отца. И я воздвигъ этотъ камень Хамосу въ Кирхѣ, (ср. I Цар. VII, 12) спасенія, поелику онъ спасъ меня отъ всѣхъ грабителей и далъ мнѣ видѣть радость мою надъ всѣми врагами моими, даже надъ Амвриемъ, царемъ израильскимъ. Они угнетали моавитянъ многіе дни, поелику Хамосъ гнѣвался на свою страну. Его сынъ наслѣдовалъ ему, и онъ такъ же сказалъ: я буду угнетать Моава. Въ мои дни (Хамосъ) сказалъ: идите, (ср. I Цар. XXIII, 2) и я увижу радость мою въ немъ и въ домѣ моемъ и я навѣки сокрушу израиля. Амврій взялъ страну Мебеда, и (врагъ) владѣлъ ею сорокъ лѣтъ (въ его дни и въ) дни его сына. И Хамосъ (сжалился) надъ нимъ въ мои дни. И я укрѣпилъ Вааль-Меонъ и построилъ въ немъ цистерну и я укрѣпилъ Киріаваимъ. Тогда люди Гада жили въ странѣ (Атарота) издревле, и царь израиль (скій) укрѣпилъ Атаротъ и я приступилъ къ городу и взялъ его и убилъ всѣхъ воиновъ города для удовлетворенія Хамоса и Моава и я взялъ всю добычу и (принесъ ее въ жертву) предъ Хамосомъ въ Киріатѣ. И я выселилъ мужей изъ Сирана и мужей изъ Махрата. И Хамосъ сказалъ мнѣ: иди возьми Небо (Иех. XV—XVI) противъ израиля. И я пошелъ ночью и сражался противъ нихъ отъ разсвѣта до полудня и я взялъ ихъ и перебилъ вмѣстѣ семь тысячъ (мужей, но я не перебилъ) женъ и дѣвицъ, поелику (я) посвятилъ ихъ Астартѣ—Хамосу, и я взялъ у нихъ сосуды Іеговы и принесъ ихъ предъ Хамосомъ. И царь израильскій укрѣпилъ Яхацъ и сидѣлъ въ немъ, когда онъ велъ войну противъ меня. И Хамосъ погналъ его предо мною, и я взялъ двѣсти моавитскихъ мужей со всѣмъ ихъ ору-

это. Можетъ быть сирійцы, финикіяне, караегеняне, въ минуты ужаса рѣшавшіеся на закланіе собственныхъ дѣтей, потомъ находили тяжелымъ самое воспоминаніе объ этой ужасной жертвѣ. На массилійской таблицѣ тарифовъ, гдѣ говорится подробно о самыхъ различныхъ жертвахъ, нѣтъ рѣчи о жертвахъ человѣческихъ. Ничего не говорится о нихъ и на караегенской надписи. Отчаяніе могло подвинуть Месу на то, чтобы поднять руку на собственнаго сына. Писатель четвертой книги Царствъ сообщаетъ, что страшное всеожоженіе Месы вызвало большое негодованіе у израильтянъ, и они отступили отъ осаждавшагося ими Кир-Харешета. Въ концѣ концовъ, какъ показываетъ памятникъ Месы, Меса избавился отъ всѣхъ страховъ и опасностей. Отчаяніе должно было смѣниться радостью. Но потеря сына и даже воспоминаніе объ этой потерѣ должно было омрачать радость. Радость была дарована Хамосомъ за ужасную цѣну. Не только нравственный тактъ, но и простой здравый смыслъ побудилъ Месу умолчать объ этой цѣнѣ. На подобныхъ побѣдныхъ колоннахъ не говорятъ о траурѣ вдовъ, смертью дѣтей которыхъ куплена побѣда. Принесеніе богу въ жертву сына заставляетъ предполагать въ богѣ глубокую жестокость. Но богъ за полученную жертву даровалъ побѣду. Достаточно поблагодарить бога за побѣду, не напоминая ему о той цѣнѣ, которую онъ за нее взялъ. Въ ряду другихъ жертвъ въ сирійскомъ культѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе жертва

жіемъ, и привелъ ихъ къ Іаацѣ и занялъ ее, чтобы соединиться съ Дибонной. Я построилъ Кирху, лѣсныя стѣны и стѣны города, и построилъ ворота, и построилъ башню, и я построилъ дворецъ и я сдѣлалъ тюрьму для преступниковъ внутри стѣнъ. И не было никакой цистерны въ стѣнахъ Кирхи, и я сказалъ всему народу: едѣшайте, каждый мужъ для себя цистерну въ своемъ домѣ. И я приказалъ, чтобы копали каваль для Кирхи цѣнные мужи Израиля. Я построилъ Ароръ и я провелъ дорогу черезъ Арнонь. Я построилъ Бет-бамотъ, поелику онъ былъ разрушенъ, я построилъ Вецеръ, такъ какъ онъ былъ сокрушенъ мужами Дидоны, поелику вся Дидона была вѣрна мнѣ. И господствовалъ отъ Бикрана, который я присоединилъ къ моей странѣ, и я построилъ (Бетъ-гамуль) и Бетъ-диблатаимъ и Бетъ-Вааль-меонъ, и я расселилъ тамъ бѣдныхъ (людей) страны. И что касается Хоронаима, (мужи Эдама) жили тамъ (пздrevле). И Хамосъ сказалъ мнѣ: иди, войи противъ Хоронаима и возьми (его, и я приступилъ къ нему и взялъ его и) Хамосъ въ мои дни. Оттого сдѣлалъ я.....годъ.....и я....

рыжаго осла или рыжаго тельца. Въ постановленіяхъ ветхаго завѣта повелѣвается все перворожденное приносить въ жертву, первенца человѣческаго выкупать, а первородное изъ ословъ замѣнять агнцемъ или выкупать его (Исх. XII, 13; XXXIV, 20). Здѣсь осель какъ бы выдѣляется изъ среды животныхъ и приближается или даже уравнивается съ человѣкомъ. Кажется это можно объяснить такъ. Осель приносился въ жертву темнымъ божествамъ — Сету-Тифону. Жертва темнымъ силамъ запрещается евреямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запрещается и вообще употреблять въ жертву животное, которое обыкновенно приносилось этимъ силамъ, чтобы первое не навело на мысль о послѣднихъ. На мѣсто жертвъ нечистымъ силамъ въ ветхомъ завѣтѣ поставляется жертва, очищающая отъ нечистоты. Это—жертва рыжей телицы, пепель которой долженъ былъ служить очищающимъ средствомъ (Числ. XIX). Восточные сосѣды еврейскаго народа не знали ничего болѣе цѣннаго и потому болѣе пріятнаго для боговъ, чѣмъ кровь (въ крови—душа), и поэтому они приносили богамъ въ жертву самую дорогую кровь человѣческую; по соображеніямъ разнаго рода они пришли къ заключеніямъ, что животныя рыжаго цвѣта пріятны нѣкоторымъ божествамъ, и кровь ихъ охраняетъ отъ зла. Отсюда жертвы рыжаго осла и рыжаго тельца. Сирійскіе праздники представляли собою чествованіе солнца и перемѣнъ въ его отношеніяхъ къ землѣ, формы этого чествованія были аналогичны хеттійскимъ и финикійскимъ. Затѣмъ слѣдовали праздники въ воспоминаніе различныхъ событій. Были празднества, опредѣлявшіяся потребностями и обстоятельствами жизни. Такимъ повидимому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ было религиозное празднество послѣ собиранія винограда (см. Суд. XXI, 19—23).

Въ своей поэтической классификаціи религій Гегель называлъ сирійскую религію религіей страданія. Вѣрованія и культъ южныхъ семитовъ-арабовъ представляютъ собою значительное смягченіе сѣверныхъ вѣрованій. Едва ли можно сомнѣваться, что прародина семитовъ лежала къ сѣверу отъ арабскаго полуострова, но условія жизни заставляли въ различные историческіе періоды передвигаться одну за другою вѣтвь семитовъ. Библия указываетъ предковъ арабовъ и въ Арамѣ, сынѣ Сима (Быт. X, 22—23), и въ Іоктанѣ, сынѣ

Евера (Быт. X, 25—30), и въ Измаилѣ, сынѣ Авраама (Быт. XXV, 12—19), и въ Мадіанѣ, другомъ его сынѣ (Быт. XXV, 1—4), и въ Едомѣ или Исавѣ (Быт. XXXVI). Были народности, жившія на арабскомъ полуостровѣ до появленія тамъ семитовъ (кушиты), но они были оттѣснены семитическими племенами, хотя безъ сомнѣнія оставили нѣкоторый слѣдъ въ духовныхъ воззрѣніяхъ послѣднихъ. Однимъ изъ источниковъ для сужденія о вѣрованіяхъ арабовъ въ древности являются гиміаритскія надписи. Гиміаритскій — одинъ изъ семитическихъ языковъ, на которыхъ говорили арабы. Ленорманъ полагаетъ, что его слѣдовало бы назвать сабейскимъ. Религіозныя вѣрованія различныхъ арабскихъ племенъ, понятно, представляли различія, какъ различались между собою вѣрованія различныхъ сирійскихъ племенъ, но сущность и духъ этихъ вѣрованій были одинаковыми.

Боги древней Аравіи, это тѣже старые боги Халдеи. Иль, Биль, Шамсъ, Аххоръ, Синъ, Симданъ представляютъ собою лишь слегка измѣненныя (а Синъ даже и неизмѣненное) имена вавилонскаго пантеона. Такое имя, какъ Дху-Самави представляетъ буквальный переводъ финикійскаго Вааль-Саминъ. У сѣверныхъ арабскихъ племенъ встрѣчаются культы и буквально тождественныя съ культурами ханаанскихъ, сирійскихъ и вавилонскихъ племенъ (см. Чис. XXII — XXV). Но одно божество выдѣляется въ арабскомъ пантеонѣ, поднимается надъ другими, заслоняетъ собою ихъ и въ концѣ концовъ ихъ вытѣсняетъ. Это—Аллахъ. Въ глубокой древности ему придавалось еще имя Иль-Макахъ=богъ, который внимаетъ. Культъ его былъ наиболѣе распространенъ. Его называли Аллахъ таала—высшее божество. Въ клинообразныхъ надписяхъ, говорящихъ о состояніи Аравіи въ VIII—VII в. в. до Р. X. имя Аллахъ часто входитъ въ составъ географическихъ обозначеній, каковы — наприм., Ау-Аллахъ Шамъ-Аллахъ. Предъ временемъ Магомета секта ганифовъ исповѣдывала вѣру въ единого бога Творца-Аллаха. Въ вѣрованіяхъ этой секты, какъ вообще въ вѣрованіяхъ арабскихъ племенъ позднѣйшей эпохи, было много іудейскихъ и христіанскихъ элементовъ, но имя Аллаха ведетъ насъ въ древность много предшествующую появленію христіанства. Аллахъ вытѣснялъ другихъ боговъ постепенно, онъ ограничивалъ ихъ власть, закрывалъ ихъ имена своимъ име-

немъ, и они постепенно ниспадали на 'роль—духовъ, благодѣтельствующихъ или вредящихъ людямъ. Таковы, джинны, гули (духи вредоносные), подобными являются и Бенатъ-Аллахъ—дочери Аллаха. Но прежде чѣмъ настала эта эпоха, слѣды которой видны еще въ коранѣ, древніе боги семитовъ господствовали въ Аравіи подъ самыми различными именами. Съ свойствами бога солнца являются здѣсь Атаръ-Самайнъ, Уроталь, Изафъ, Вадъ, Манафъ, Ягутъ, Яукъ, Хобаль. Лунное божество, которое управляетъ рожденіями, называлось Алилатъ-Аллатъ, Хаила, Саваха, Монатъ. Характерно развитъ въ арабской теологіи образъ гермафродитнаго божества Аторъ или Атаръ. Это имя часто встрѣчается на гиміаритскихъ надписяхъ. Аторъ представлялся, какъ лицо мужеское и назывался отцомъ Сина, но въ тоже время Аторъ лицо совершенно женское. Аторъ = *Venus barbata*, царь Астарты. Аторъ упоминается въ клинообразныхъ надписяхъ Ассурбанипала, какъ одно изъ главныхъ арабскихъ божествъ: Атаръ-Самайнъ-Атаръ небесъ. Этотъ образъ сближаютъ съ египетскою Гаторъ и полагаютъ, что культъ ея былъ введенъ фараонами на западномъ берегу аравійскаго полуострова.

Въ религіи арабовъ получилъ преобладающее значеніе сабеизмъ—почитаніе свѣтилъ. Почитали семь планетъ (т. е. солнце, луну и пять планетъ извѣстныхъ древнимъ), наиболѣе обращающія на себя вниманіе звѣзды, каковы—Альдебаранъ (глазъ тельца), Канопусъ (Сохайль), Сиріусъ (Шаари лебуръ), почитались плеяды, зодіакальныя созвѣздія. Жившіе въ своихъ пустыняхъ жизнь природы, арабы ближе и больше должны были видѣть связь земной жизни съ небесными перемѣнами. Весною передъ равноденствіемъ арабы держали тридцатидневный постъ въ честь поднятія солнца на небо (на наибольшую высоту), и затѣмъ при наступленіи равноденствія, когда солнце вступало въ знакъ овна (♈), у нихъ устраивался торжественный праздникъ. Зодіакъ арабы называли кругомъ двѣнадцати укрѣпленій. О звѣздахъ у нихъ была составлена цѣлая серія поэтическихъ сказаній. Звѣзды для нихъ были живыми душами, исторія которыхъ часто представляла ужасную трагедію. Канопусъ былъ мужемъ Альязузы (Оріона), онъ умертвилъ жену, бѣжалъ къ полярной звѣздѣ, его преслѣдовалъ Шаари лебуръ. Годъ у

аравитянъ былъ лунный, нѣкоторые изъ мѣсяцевъ назывались святыми, названія нѣкоторыхъ буквально должно переводить такъ: непоколебимо святой, высоко чтимый, мѣсяць открытія, мѣсяць паломничества.

Арабы воздвигали храмы (beit) хотя понятно далеко не такіе роскошныя, какъ въ Халдеи или у финикіянъ. Храмы строились и представителями власти и воздвигались на частныя средства. Обыкновенно они окружались священной оградой (hami ha'am), которой вообще ограждались священные мѣста у семитовъ. Храмъ посвящался обыкновенно спеціально одному божеству, но затѣмъ въ каждомъ храмѣ отводилось мѣсто для почитанія еще тѣхъ или иныхъ божествъ. Въ храмахъ ставили, какъ посвященіе или даръ богамъ, статуи, посвященныя таблицы, драгоценности, золотыя и серебряныя слитки. Храмы владѣли землями, стадами, рабами. Существовалъ обычай торжественно посвящать себя, семейство и имущество въ услуженіе тому или иному божеству. При храмахъ, понятно, были жрецы. Но институтъ жрецовъ не былъ развитъ у арабовъ. Жреческія обязанности въ семьѣ исполнялъ и глава семьи, могъ исполнять въ племени глава племени.

Будучи по существу тою же, что и халдейская и сиро-финикійская, религія арабовъ представляла собою упрощеніе и смягченіе сѣверныхъ религіозныхъ формъ. Храмы Аравіи не были такъ роскошны, какъ храмы Вавилона или Тира. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ устройствѣ не было и такой пестроты и сложности, какъ въ храмахъ названныхъ городовъ. Идолопоклонство не было развито въ Аравіи. Оно не пользовалось тамъ сочувствіемъ. У арабовъ можно замѣтить способность къ исполненію заповѣди о томъ, чтобы не творить себѣ кумировъ и какихъ-либо подобій. У нихъ не было наклонности обожествлять символъ, въ чемъ состоитъ сущность идолопоклонства. Сдѣланное произвольно подобіе бога они не были расположены принимать за бога. Можетъ быть ограниченію идолопоклонства содѣйствовалъ и сабеизмъ. Уже въ хеттейскомъ храмѣ Мабога не было идоловъ солнца и луны, потому что они у всѣхъ передъ глазами. Этотъ взглядъ нѣсколько развитый дѣлалъ излишнимъ поставленіе статуи Меркуріа, Венерѣ, Марсу, Юпитеру, Сатурну. Созерцая въ чудныя южныя ночи на темногубомъ небѣ величественныя

созвѣздія, загадочныя планеты, порою чудесныя метеоры, арабъ естественно долженъ былъ предпочитать связывать свое религиозное почитаніе съ этими свѣтлыми образами, чѣмъ съ варварскими произведеніями своихъ дѣтскихъ живописи и скульптуры. Арабы приносили кровавыя жертвы—быковъ, барановъ, верблюдовъ, Несомнѣнно, были у арабовъ и чело-вѣческія жертвоприношенія. Но этотъ дикій культъ не получилъ у нихъ развитія, и можетъ быть такія жертвы допускались лишь, какъ страшное исключеніе. Существуетъ позднее сказаніе (пріурочиваемое ко времени близкому къ рожденію Магомета), какъ одинъ правитель для спасенія осажденнаго города хотѣлъ принести въ жертву своего сына, но по совѣту вѣщей женщины замѣнилъ его сотнею верблюдовъ. Сто верблюдовъ стали для араба чѣмъ-то въ родѣ городовъ убѣжища: ими можно было откупаться при убійствѣ кого-либо отъ опасностей родовой мести. Этотъ рассказъ, очевидно, относится къ эпохѣ борьбы съ родовой мстью, а не съ челоуѣческими жертвами. Въ культѣ арабовъ помимо кровавой стороны была еще и другая, не оскорблявшая нравственнаго и удовлетворявшая эстетическое чувство. Въ ихъ жертвенномъ ритуалѣ играли большую роль благовонія и въ ихъ религиозномъ культѣ отводилось мѣсто почитанію деревьевъ. Вокругъ одного египетскаго терна (*spina aegyptica*) въ Наккѣ былъ воздвигнутъ храмъ. Тоже самое было сдѣлано по отношенію къ одному финиковому дереву (*Dhatanvat*) вблизи Мекки. На жертвенныхъ алтаряхъ у арабовъ не только дымилась кровь заколотыхъ животныхъ но и поднимались благовонія отъ бальзамовъ, мирръ, ладановъ, различнаго рода смоль, Говорятъ, что Магометъ сказалъ о себѣ, что онъ любилъ молитву, женщинъ и благовонія, но больше всего молитву. Религиознаго культа женщины не было и нѣтъ у арабовъ, но съ глубокой древности арабы заботились о томъ, чтобы фиміамъ воскуряемыхъ ими благовоній обильно поднимался къ небу, какъ символъ ихъ усердныхъ молитвъ обращенныхъ къ Творцу неба.

Съ слабо развитымъ идолопоклонствомъ у арабовъ соединялся широко развитый фетишизмъ. Они знали и почитали много предметовъ имѣвшихъ сверхъестественное происхожденіе и обладавшихъ сверхъестественною силою. У нихъ повидимому было развито ношеніе талисмановъ. Можетъ быть

роль такихъ талисмановъ играли серьги. Въ книгѣ Судей повѣствуется, что Гедеошъ попросилъ у израильтянъ изъ захваченнаго ими у враговъ: „дайте мнѣ каждый по серьгѣ изъ добычи своей (ибо у непріятелей много было золотыхъ серегъ, потому что они были измаильтяне (VIII, 24). Предметами фетишистическаго почитанія у арабовъ было то, что встрѣчается наиболѣе часто и наиболѣе рѣдко въ ихъ пустыняхъ. О томъ, что камни играли роль въ ихъ обрядахъ и договорахъ, свидѣтельствуетъ Геродотъ. „Нѣтъ въ мірѣ народа, говоритъ онъ (Истор. кн. III, 33), который бы такъ свято соблюдалъ данное слово, какъ арабы. Даютъ свое слово они такимъ образомъ. Стороны, заключающія союзъ, избираютъ посредника, который острымъ камнемъ дѣлаетъ у нихъ надрѣзы на ладоняхъ; затѣмъ обмакиваетъ въ кровь края ихъ одежды. Эту кровь посредникъ натираетъ семь камней, которые помѣщаются между заключающими договоръ. При этомъ посредникъ призываетъ имена Діонисія Вакха и Ураніи. Кромѣ этихъ божествъ арабы не знаютъ никакихъ другихъ. Они подбриваютъ себѣ волосы на вискахъ и стригутъ ихъ кругомъ, говоря, что такова была прическа Вакха. Вакха они называютъ Уроталомъ, Уранію же Алилатою, Милиттою“. Очевидно Уроталь (Уртаала—высшій свѣтъ) есть солнце, Алилата (Ал-лат)—Астартя, луна. Камни, которые почитались арабами, были, полагаютъ, преимущественно аэролитами. Въ ряду такихъ камней стяжалъ себѣ громадную славу и сохранилъ ее до нынѣ камень каабы. Это—небольшой черный камень. Легенда, вѣроятно, уже позднѣйшая рассказываетъ слѣдующее о происхожденіи этого камня и святилища, въ которомъ онъ помѣщается. Типъ храма каабы былъ созданъ на небѣ до созданія Адама и его почитали ангелы, которые по повелѣнію Аллаха собирались вокругъ него для религіозныхъ церемоній. Адамъ, который былъ первымъ истинно вѣрующимъ, воздвигъ храмъ каабы на землѣ, послѣ него его сынъ Шить (Сифъ) перестроилъ Каабу. Во время потопа храмъ былъ поднятъ на небо за исключеніемъ его основанія, которое было скрыто подъ землею. Впослѣдствіи Аллахъ приказалъ Аврааму при помощи сына Измаила возстановить святилище. Когда по повелѣнію отца Измаиль отправился отыскивать камень, который долженъ былъ обозначать уголъ, откуда пилигримы должны на-

чинать обходъ (тавафъ), онъ встрѣтилъ ангела Гавріила. Ангель предсталъ предъ нимъ съ камнемъ небесной каабы. Этотъ камень былъ тогда ослѣпительной бѣлизны, но измѣнилъ свой цвѣтъ въ черный отъ грѣховъ людей. Полагають, что сначала въ камнѣ каабы арабы видѣли манифестацію какого-либо звѣзднаго божества—Каивана (Сатурна) или Венеры (Астарты), что гораздо вѣрнѣе. Около храма каабы помѣщалось еще нѣсколько камней тоже повидимому считавшихся проявленіями какихъ то менѣе важныхъ божествъ. Замѣчательно, что храмъ, въ которомъ былъ заключенъ камень, былъ самъ построенъ по формѣ этого камня, т. е. значитъ и самъ храмъ представлялъ собою, какъ и камень, образъ божества.

Съ храмомъ каабы у арабовъ соединяется необычайно широкое развитіе религіознаго обычая паломничества. Паломничество существовало и у сѣверныхъ семитовъ и въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ. Различныя арабскія племена имѣли много мѣстныхъ святынь, къ которымъ въ опредѣленные дни стекались соплеменные пилигримы. Но кааба замѣчательна тѣмъ, что на поклоненіе къ ней стекались арабы всѣхъ племенъ безъ различія. Она была объединяющимъ религіознымъ, а вмѣстѣ — понятно и національнымъ центромъ для всѣхъ арабовъ. Праздничное торжество, къ которому собирались пилигримы къ каабѣ, падало на десятый день двѣнадцатаго мѣсяца, почему этотъ мѣсяць и назывался джу-л-хиджа—мѣсяць паломничества. Такъ какъ годъ у арабовъ былъ лунный, то понятно, что каабскій праздникъ по солнечному счисленію ежегодно справлялся на 11 дней раньше, чѣмъ въ предыдущій годъ (12 лунныхъ мѣсяцевъ немного болѣе 354 дней) и въ теченіе 35—36 лѣтъ онъ проходилъ всѣ времена года и затѣмъ опять проходилъ по этому кругу. Джу-л-хиджа считался священнымъ мѣсяцемъ, и во время него должны были прекращаться войны и распри между различными племенами. Джу-л-хиджа былъ для древнихъ арабовъ тѣмъ, чѣмъ былъ миръ Божій для средневѣковыхъ европейцевъ. Этотъ миръ долженъ былъ устанавливаться еще въ предшествовавшій мѣсяць—мѣсяць открытія. Религіозное паломничество называлось у арабовъ хаджъ. Лишь только пилигримъ, начавшій хаджъ, вступалъ на священную землю, ему давали

ирамъ—священную одежду. Эта одежда состояла изъ двухъ кусковъ: одинъ обертывался вокругъ чреслъ, а другой набрасывался на шею и плечи такъ, что оставалась свободной часть правой руки. И въ настоящее время мусульманскіе пилигримы въ Мекку обязаны смѣнять свое платье на этотъ ирамъ. Прибывши, пилигримъ совершалъ поклоненіе каабѣ, благоговѣнно цѣловалъ ее и затѣмъ совершенно обнаженный семь разъ обходилъ вокругъ каабы. За поклоненіемъ каабѣ слѣдовало посѣщеніе другихъ священныхъ мѣстъ (омра) и поклоненіе другимъ священнымъ предметамъ. Поклонялись священной пальмовой рошѣ и двумъ священнымъ горамъ Софа и Марвахъ, гдѣ находился священный источникъ Замзамъ. Существуетъ легендарное сказаніе, что здѣсь блуждала Агарь съ Исмаиломъ, и Замзамъ былъ ей указанъ ангеломъ. Священною обязанностію считалось поклоненіе горѣ Арафатъ, которая въ древности разсматривалась повидимому, какъ особенное проявленіе божества. Коранъ представляетъ, что здѣсь соединились Адамъ и Ева послѣ долгаго раздѣленія. Послѣ Арафата посѣщали минскую долину, здѣсь стояло семь священныхъ камней—образы планетныхъ божествъ. Каждый пилигримъ бросалъ къ подножію каждаго изъ камней три камешка и это повторялось три раза въ два дня. Магометъ оставилъ только три изъ семи камней и установилъ взглядъ, что они указываютъ три мѣста, на которыхъ діаволъ являлся Адаму. Но только теперь каждый пилигримъ къ подножію этихъ трехъ камней бросаетъ не три, а семь кремней такъ, что сумма камешковъ бросаемыхъ арабомъ мусульманиномъ осталась та-же, какую бросалъ и арабъ язычникъ ($3 \times 7 = 21$). Послѣ обряда бросанія камешковъ въ минской долины приносили торжественныя жертвы. Въ пальмовой рошѣ окружавшей каабу пролитіе крови и, значить, принесеніе жертвъ—было запрещено съ глубокой древности. Окончивши жертвоприношенія, пилигримъ возвращался къ каабѣ, совершалъ опять семикратное обхожденіе святилища, слагалъ ирамъ, надѣвалъ свое обыкновенное платье и возвращался къ мѣсту своего постоянного жительства.

Въ культѣ каабы, какъ можно видѣть, заключались высокоморальныя черты. Около величайшей святыни запрещалось проливать кровь животную, во время празднованія

ей предписывалось прекращать проливать кровь человѣческую. Запрещались войны. Враждующія между собою племена совершали мирное совмѣстное поклоненіе святынь, и здѣсь у чернаго камня, у божественныхъ горъ, у священнаго источника должно было развиться и крѣпнуть у нихъ сознание этнографическаго и религиозно-нравственнаго единства. Здѣсь должны были сглаживаться темныя и крѣпнуть добрыя стороны араба. Въ нравственномъ отношеніи арабъ являлся страннымъ, двойственнымъ существомъ. Геродотъ восхвалялъ вѣрность арабовъ, но рядомъ съ этою вѣрностію въ однихъ отношеніяхъ стояло ужасное вѣроломство въ другихъ. Арабы были гостепріимны, они готовы были давать гостямъ очень многое, но они нисколько не стѣснялись грабить своихъ бывшихъ гостей, встрѣтивъ ихъ внѣ дома и недостаточно защищенными. Гостепріимство у нихъ соединялось съ страшною вспыльчивостію и склонностію къ ссорамъ. Въ своей поэзіи арабы окружили женщину ореоломъ и отвели ей очень почетное мѣсто, но въ дѣйствительности у нихъ было развито многоженство, при которомъ женщинѣ отводится слишкомъ жалкое мѣсто въ семьѣ. Религія должна была смягчать жесткія и темныя свойства араба, но понятно, что нѣкоторыя темныя черты она и поддерживала и освящала. Такъ, въ древности ею освящался обычай родовой мести. По представленію нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ душа, отдѣлившись отъ тѣла, принимала видъ птицы похожей на сову, ее называли хама или сада, она летала около гроба усопшаго, испуская жалобные крики. Она сообщала усопшему объ участи и образѣ жизни его дѣтей. Если усопшій былъ убитъ, птица кричала: ешуні (дайте мнѣ нить, т. е. крови убійцы) и продолжала кричать такъ до тѣхъ поръ, пока родственники не удовлетворяли этой кровавой жажды. Религія поддерживала суевѣрія. Особенно ею освящались гаданія, дѣленіе дней на счастливые и несчастные и т. д. Было очень развито гаданье по стрѣламъ. Оно совершалось въ храмахъ при участіи спеціальнаго оракула. Брали семь стрѣлъ безъ острій—всѣ различно окрашенныя и каждая съ особою мѣткою. Перемѣшивали ихъ въ мѣшкѣ, изъ котораго и вытаскивали затѣмъ одну, по ея окраскѣ и мѣткѣ оракуль давалъ отвѣтъ на вопросъ поставленный въ гаданіи.

Эсхатологическія представленія у различныхъ арабскихъ племенъ повидимому были различны. У нѣкоторыхъ какъ будто было даже представленіе, что все кончается смертію. Многіе представляли, что за гробомъ челоуѣка ожидаетъ жизнь подобная земной. На гробѣ усопшаго (гробы были по своему типу подобны финикійскимъ и еврейскимъ) закалывали верблюдицу или привязывали ее къ гробу и оставляли безъ пищи такъ, что она издыхала съ голоду. Дѣлалось это въ томъ убѣжденіи, что усопшему она будетъ нужна для того, чтобы въ загробномъ мірѣ ѣхать на судъ къ Аллаху. У знатныхъ семействъ іеманскихъ племенъ найдены памятники, свидѣтельствующіе о развитіи культа предковъ. Такъ религіозныя посвященія послѣ призыванія главныхъ боговъ содержатъ въ себѣ призываніе отца того лица, которое обращается съ посвященіемъ, его ближайшихъ предковъ и предковъ расы. Клермонъ-Ганно нашелъ на одной стелѣ барельефъ съ такою надписью: „изображеніе Галилатъ, дочери Мофаддата; да поразитъ Аторъ того, кто его испортитъ“. Въ нижней части барельефа изображена умершая Галилатъ, лежащая на смертномъ одрѣ. Въ верхней части Галилатъ изображена сидящею, размѣры ея по отношенію къ стоящимъ около нея фигурамъ гораздо больше; значить, изъ ряда людей она перешла въ рядъ выпечеловѣческихъ существъ; стоящія около нея фигуры оказываютъ ей религіозное почитаніе (см. рисунокъ у Lenormant'a, L' Hist. ancien. del' orient T. III p. 400, описаніе на 401 стр.). Этотъ барельефъ, равно какъ и призыванія умершихъ предковъ съ несомнѣнностію свидѣлствуютъ о существованіи культа предковъ у нѣкоторой части арабовъ. Были у арабовъ и домашніе божки и семейныя святыни, которыя обыкновенно также связываются съ культомъ предковъ.

Такъ, вѣрованія арабскихъ племенъ представляютъ собою такуюже пеструю смѣсь противорѣчій, какъ и арабскій характеръ. Въ послѣднемъ совмѣстно уживались великодушіе и жестокость, рѣшимость отдать свое и готовность отнять чужое; одною рукою арабъ возводилъ женщину на педьсталь божества, и другою низводилъ ее до участи рабыни. То онъ являлся кровожаднымъ, то мягкимъ. Такъ и въ религіи. Несомнѣнно въ дохристіанскую эпоху въ Аравіи исповѣдывался монотеизмъ, но рядомъ съ монотеизмомъ равно-

правно существовали политеизмъ и полидемонизмъ. У арабовъ были и отрицаніе загробной жизни и культъ мертвыхъ. У нихъ отрицали идолопоклонство и поклонялись камнямъ. Не признавали жрецовъ и вѣрили гадалщикамъ. Эта странная и разносторонняя непоследовательность объясняется особенностями духовнаго склада араба. Арабъ—это нервная чуткая натура способная подниматься до самыхъ возвышенныхъ представленій. Отсюда — вѣра въ Аллаха, бога милостиваго и милосердаго. Отсюда возвышенная арабская поэзія. Но арабъ способенъ и ниспускаться до самой глубокой грязи. Арабъ — натура глубоко чувствующая и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко чувственная. Онъ глубоко чувствуетъ обиду и потому мстителенъ, онъ чувствененъ и потому стремится превратить женщинъ въ послушныхъ рабынь. Эстетическое чувство араба смущается безобразіемъ идола и не дозволяетъ видѣть божественное въ этомъ издѣліи человѣческихъ рукъ, но въ тоже время онъ своею способною къ экзальтаціи душою готовъ чувствовать вездѣ біеніе божественнаго пульса и онъ видѣлъ проявленіе божественнаго и въ камнѣ упавшемъ съ неба и въ стрѣлѣ пущенной на удачу и приведшей къ источнику.

С. Глаголевъ.
